

ГЛАВА 9

НИКОЛАЙ ГАНЗА: «ХЕЙКО БАНЗАЙ!»

Существует распространенное еще с советско-социалистических времен заблуждение, что если директор успешно руководит крупным промышленным предприятием, то и в политической сфере его непременно ожидает успех. Однако на практике везет лишь единицам. Менталитет наших промышленных генералов таков, что они считают: если по бюрократическому госаппарату как следует врезать железным кулаком силовых методов, как по торговому автомату, он мгновенно перестроится и заработает как надо - качественно и с песнями. Вот и Николай Ганза, премьер Правительства УР в 1990-2000 годах, любил повторять, что он "политесу не обучен", компромиссы и лавирование не признает и спуска никому не даст.

«Урановый» директор

Он появился в Удмуртии в качестве директора Чепецкого механического завода. Пройдя перед этим суровую и жестокую школу на урановых рудниках в Зеравшане, Учкудуке и Желтых Водах.

К его приезду завод - градообразующее предприятие Глазова - влчил жалкое существование: объем заказов сократился в несколько раз, зарплата не выплачивалась месяцами, долги исчислялись десятками миллионов рублей, а общие потери оценивались в 124 млн USD.

Сорокавосьмилетний директор порядок наводил решительно и бескомпромиссно. Социальную сферу передал городу, освободился от лиц пенсионного возраста, а за любой проступок или ошибку, независимо от должности, следовало немедленное увольнение.

Вскоре горожане уже писали его фамилию на заборах с непристойными эпитетами. Но именно он, согласно одной из легенд, поставил жесткие условия Москве с требованием погасить задолженность перед ЧМЗ и пригрозил остановить отгрузку тепловыводящих элементов (ТВЭЛов) на российские атомные электро-

станции, а это грозило их остановкой и, как следствие, потерей 23 процентов всей отечественной электроэнергии. Говорят, что из Минатома тут же пришли вагоны с деньгами в счет погашения долгов.

Он не церемонился ни с кем. Уже в июле 1994 года Николай Ганза на совещании в Министерстве промышленности обрушится на Правительство Удмуртской Республики за непонимание специфики и уникальности Чепецкого механического завода, невозможности его адаптирования к рыночным условиям, поскольку частных АЭС ни в Удмуртии, ни в России нет и быть не может. Следовательно, необходимость стопроцентного государственного заказа - не прихоть, а объективная необходимость. И запальчиво закончил: "И вообще, нужны ли армии наши бронебойные снаряды?", чем вызвал в зале настоящий шок.

Выглядел он в это время весьма колоритно: зеленый пиджак и золотой перстень на пальце размером чуть ли не со спичечный коробок. Густые черные волосы зачесаны на лоб, над верхней губой нависает большой мясистый нос, лицо изборождено глубокими морщинами, угрюмый взгляд исподлобья. Он производил впечатление большого авторитета, командующего крупной воровской шайкой. Слушать его было тяжело. Он несколько раз повторял одни и те же фразы и нередко возникало ощущение, что он вот-вот начнет "ботать по фене".

«Товариш оказался слишком прыток»

(И.Сталин)

Николай Ганза вытащил Чепецкий механический завод из кризиса менее чем за два года. Да и город начал возвращаться к привычной относительно сытой и безбедной жизни.

При нем в Глазове проходят выездные коллегии Минатома, где рассматриваются перспективные программы развития ЧМЗ и роль федерального центра в их финансировании. Как известно, выездные коллегии Минатома на местах - это что-то из области сказок. Но Николай Ганза сделал их былью. Тогда же к нему начинают присматриваться в коридорах власти Удмуртии. Но пока очень осторожно: во-первых, он чужак, во-вторых, слишком уж резок и категоричен в суждениях, наконец, излишне независим в поступках, чувствуя за спиной поддержку могущественного министерства. Как часто говаривал генералиссимус Сталин: «Товариш оказался слишком прыток». Да и глазовская группа в руководстве республики привыкла считать город «своим». Ганза же затевает там нечто вроде личной перестройки.

Тем не менее именно его весной 1999 года Александр Волков предлагает на должность премьера вместо ставшего опальным Павла Вершинина. Николай Алексеевич съездил посоветоваться в Министерство атомной промышленности России, где его ободрили: иди, работай, а не понравится или выгонят, без работы не оставим!

Сам он рассчитывает пробыть премьером четыре года, из которых два-три планирует потратить на стабилизацию экономической обстановки в республике, и последний год - на рывок вперед.

Вместе с тем Николай Ганза публично заявляет, что республику знает плохо, особенно сельское хозяйство и кадры. Но у руководства республики, видимо, свои взгляды на кадровую политику. Срабатывает старый принцип: «Настоящий руководитель должен уметь работать везде». И уж если «партия сказала «надо»...

Терминатор удмуртского правительства

Сразу же после своего избрания премьер показал характер, подвергнув жесточайшей критике все программы, принятые Госсоветом Удмуртской Республики: «Столько не осилим... денег нет... политикой можно заниматься при стабильной экономической ситуации». А еще добавил, что не приемлет понятие «команда», хозяин должен быть один. И потребовал, чтобы депутаты Госсовета все свои решения сначала согласовывали с правительством.

В зале гул, а на лице Александра Волкова появилась задумчивая улыбка: «Николай Алексеевич всех завел, и меня тоже... решим в рабочем порядке...»

Николай Ганза начинает активные поездки по республике, и в августе 1999

Из стороны в сторону

Безусловно, он был и остается очень сильным руководителем отдельно взятого предприятия. Но это не гарантирует успеха в сфере координации самых различных отраслей экономики и социальной сферы, не говоря уже об их политической составляющей, которая жестоко мстит за пренебрежение к ней. Отсюда и неразбериха в определении экономических приоритетов: "С Госсоветом, - заявляет Николай Ганза, - у нас, как правило, разные точки зрения, особенно в социальной сфере и расходовании бюджета".

В макроэкономических вопросах он шарахается из стороны в сторону: "Никакие возрастающие военные заказы не спасут Удмуртию, это довесок". Или: "Может быть, потянув за зерновую цепочку, вытащить все сельское хозяйство". Но можно и "все распахать к чертовой матери и получать по 4 центнера с гектара". В общем, "законы, как блины, печем... нам нужно в первую очередь бить по тому, что нам мешает жить и работать".

В то же время он непреклонен, когда последовательно выступает против всех проектов иностранных инвестиций в республику, будь то "Сэмпсон" или "Шкода". Зато приветствует "интервенцию" в регион отечественных "Самарских оконных конструкций".

Он проводит нефтяные аукционы, но выступает против продажи госпакета акций ЧМЗ, утверждая, что они принадлежат России. И еще одна деталь: рапортуя о перевыполнении основных плановых задач в промышленности за 1999 год, он почему-то сравнивает цифры не с программой социально-экономического развития Удмуртии на 1999-2000 годы, а с уровнем кризисного 1998 года. Однако с ним можно согласиться, когда чуть раньше он произнесет: "Вот вам вся наша система. Это бардак самый натуральный".

Николай Ганза одновременно требует заплатить налоги, "или мы вас раздавим", и улыбается: "Я-то знаю, как от них уклоняться". Или: "Все, кто здесь присутствует, включая меня, похожи на страусов". И еще: "Напишите еще раз такую чушь, и можете искать себе другую работу".

Своих министров он нещадно муштрует, даже предлагая провести для них аттестацию на знание русского языка путем диктанта. Но не терпит даже малейшей критики со стороны в адрес собственного кабинета правительства: "Я бы не хотел, чтобы на правительство слишком нападали... правительство не собирает-ся стать заложником политической ситуации... мы никогда и никому не позволим так разговаривать с правительством, или мы все уйдем... я бы просил так не нажимать на правительство... и не надо задавать моим заместителям вопросы, которые вне их компетенции".

К кадрам у Николая Алексеевича самое трогательное и бережное отношение: "У вас на счету дырка от бублика. А чем будете коммерческий риск гасить? Штаны снимать? Не хватит этого!.. Будут вопросы, зайдите ко мне, только денег

не просите... Я это последний раз делаю, я его могу вообще в корзину выбросить... Здесь надо детально разобраться и дать всем по зубам. Большое спасибо... Вам не повезло, что я в этом разбираюсь. Вместо одного дерьма получим кучу другого дерьма. Жаль, что женщины здесь, а то бы я сказал... Ты мне это не говори. Мы тут все мастера дураками прикидываться... устроили богадельню..." Круто, но увлекательно и захватывающе. Вот только захват - это не лучший прием в политике.

«Самоубийство»

Скучно с ним не было. "Надо работать, а не политесами заниматься... у вас слишком высокая квалификация, чтобы ерундой заниматься... в министерствах государственная служба превратилась в возможность регулярного получения зарплаты... вас слишком много, наполовину сокращать надо". И далее следует отеческое обращение к журналистам: "О хорошем надо писать, о людях, а не о каком-нибудь сукине сыне..."

2000 год, год первых президентских выборов в Удмуртской Республике, стал для него роковым.

В апреле на одной из пресс-конференций он сделает категоричное заявление: "Я как председатель и мое правительство политикой не занимаемся... я свою кандидатуру никуда не выдвигал". Действительно, в этот период его еще не терзали политические амбиции. Он намеревался и дальше занимать кресло премьера. Но уже через несколько дней стало известно, что Ганза вошел в оппозиционный Александру Волкову блок. В числе "заговорщиков" оказались весьма влиятельные в республике люди: Павел Вершинин, Анатолий Салтыков, Евгений Одианков, Валентин Тубылов.

В узком кругу было принято решение о выдвижении Павла Вершинина кандидатом на пост Президента Удмуртской Республики. Расчет делался на поддержку сельских районов, где Вершинина прекрасно знали. Кроме того, за выдвижение данного кандидата высказалась Всеудмуртская ассоциация "Удмурт Кенеш". Все это уже на начальном этапе предвыборного марафона давало Павлу Вершинину немалые преимущества.

Пост премьера решили оставить за Николаем Ганзой.

Итак, после раздела портфелей сплоченная оппозиция вышла на дистанцию.

И вдруг... Нарушив все прежние договоренности и повергнув в шок теперь уже бывших соратников, Николай Ганза заявляет о намерении самому баллотироваться кандидатом на пост президента республики. Премьер в первый и последний раз ступил на скользкую политическую тропу.

Что тут началось! Каждое лыко вплетали в строку, были перемешали с небылицами, правду - с грязной ложью. Стали говорить, что он подставная фигура, чтобы отнять голоса у Вершинина, о его тесных связях с Березовским, о намере-

нии построить в республике могильники для ядерных отходов с Запада, а под Воткинском - завод по сжиганию ракетных двигателей. Когда же он неосторожно обмолвился, что средств у него мало, тут же появилась информация, сколько у него квартир в Глазове, Ижевске и Москве, и что его доход за 1999 год составил 2,5 миллиона рублей.

Кстати, спустя три года один из авторов тех грязных технологий Сергей Чикуров признает, что "по отношению к Ганзе "играли по-черному", били наотмашь".

В нарушение закона, в качестве кандидата на пост президента ему так и не дали эфирного времени для выступления на ГТРК "Удмуртия". В то же время все телеканалы упоенно крутили кадры, где доведенный до белого каления премьер орал на журналиста: "Кто ты такой?! Ты таракан! Я премьер! Я тебя сотру!" Популярности Ганзе это не добавило. В итоге он стал неуклюже и неумело защищаться и оправдываться, что было явно не в его характере, и, естественно, проиграл.

Исход

На следующий же день после итогов голосования он подал в отставку и уехал из Удмуртии. Сначала в Москву, а затем в Мурманскую область директором Кордовского горно-обогатительного комбината того же Минатома. Министерство, как и обещало, его не бросило: все-таки лауреат премии Петра Великого, вошедший в число ста лучших менеджеров России.

Он храбрится и внешне остается спокойным: "Пребывание у власти само по себе не вечно и не постоянно... век премьера не может быть долгим... а я - инже-

нер и кое-что умею". И в то же время все, кто с ним общался после отставки, утверждают, что у Николая Алексеевича Ганзы занозой в сердце сидит ностальгия по Удмуртии.

Завершив свою политическую карьеру и покинув пределы республики, Николай Ганза уподобился легендарным японским самураям, которые, "потеряв лицо", с криками "Хейко банзай!" ("Да здравствует император!") делали себе харакири.

В июле 2001 года, когда приближались выборы мэра Ижевска, вдруг обнаружилось, что, по данным одного из социологических опросов, "виртуальный" Николай Ганза, которого уже давно не было в Удмуртии, мог бы получить до 40 процентов голосов, оставив ныне действующему мэру Виктору Балакину только девять.

Что ж, изгибы массового сознания логике не поддаются.